

Настигнув уби́йц в «селах красных» их отца, Андрей Александрович по примеру Юрия Долгорукого «Повести» решает основать на этом понравившемся ему месте город. Связь с «Повестью» в изложении этого события в «Сказании» сохраняется. «На утрии» «посмотрив по красным селам и слободам», «те села и слободы ему красны полюбились и мысля во уме своем уподобися ту граду быть» («в Повести»: «обозрев с нея (с горы) очима своима семо и овамо ... и возлюбив села оны и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град»). По воздвижении деревянной церкви «святыя Богородицы честнаго и славнаго ея благовещенья» «благодарный» князь Андрей приступил к основанию «града» «около тех красных сел по Москве-реке, бога себе в помощь призывая». В постройке города участвовали «суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные»: «Божиею помощию» «в лета 6799 месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона» город был построен.

Мы убедились, что на всем протяжении «Сказания» сохранились следы его связи с более ранней «Повестью о зачале Москвы». Однако с этим своим основным источником автор «Сказания» обращался свободно, не подчиняясь ему. Прежде всего снята оказалась публицистическая идея «Повести», основание Москвы изображается не для доказательства того, что Москва — третий Рим создавалась при тех же условиях, при каких возникли «ветхий» и «новый» Рим. Автора «Сказания» интересуют сами по себе те драматические события, которые предшествовали основанию столицы Русского государства. Главное внимание его обратилось не на то кровопролитие, какое произошло на месте будущего города и могло доказать, что Москва возникла «на крови», как оба старших Рима. Автор развернул вымышленный рассказ о событиях в Суздале и его окрестностях, событиях, оказавшихся причиной кровавой битвы в «красных селлах» боярина Кучки. Порвав совершенно с историей, автор «Сказания» создал вымышленное повествование о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Хотя мотивировка преступления, совершенного Кучковичами и княгиней Улитой, сведена в «Сказании» только к стремлению любовников избавиться от князя-мужа (в «Повести» Кучковичи имеют основание ненавидеть князя, отец которого убил их отца), однако сам рассказ об убийстве Даниила выполнен художественно убедительно, авторская оценка участников событий умело передается читателям, драматизм повествования нарастает, подготавливая к трагической развязке, а описание «отмщения» должно вызвать чувство удовлетворения у читателя — все преступники наказаны. И даже убийство боярина Кучки, слабо мотивированное в предании об основании Москвы, включенном в «Повесть», в «Сказании» логически и психологически оправдано: он укрыл у себя уби́йц Даниила.

Утратив историчность, отбросив публицистический замысел, «Сказание» превратилось в занимательное повествование о цепи трагических событий, предшествовавших основанию Москвы. Здесь даже события, в которых сохранились глухие отголоски исторических фактов более позднего, чем дата основания Москвы, времени (убийства Кучковичами Андрея Боголюбского), начинают ряд происшествий, завершившихся закладкой будущей столицы.

Но вымышленные события внешне еще прикреплены к историческим фактам, вымышленным героям даны исторические имена, хотя хронология при этом решительно нарушена. По сравнению с «Повестью о зачале Москвы» «Сказание» гораздо ближе к сказочно-исторической, чем к исторической или к историко-публицистической повести. В такой сказочно-исторической манере в середине и второй половине XVII в. обрабатывался материал и русской, и византийской — через Хронограф — история.